

Сапёрному батальону ещё 14 декабря 1825 г. (с. 216). Такое разделение титула и статуса не предусматривалось в павловском Учреждении об Императорской фамилии, соответствующее место которого, правда, было сформулировано достаточно туманно. Но затем оно вновь повто-

рилось уже в царствование Николая II: *Андреев Д.А.* «Наследник, но не цесаревич» // *Родина*. 2011. № 7.

² Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 1. М., 2004. С. 417—418, 421.

Дмитрий Андреев

Д.Н. Любимов как мемуарист и историк*

Dmitry Andreev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

D.N. Lyubimov as Memoirist and Historian

DOI: 10.31857/S086956870010795-5

Издание воспоминаний Дмитрия Николаевича Любимова, несколько списков которых отложились в архивах России и США, делает доступным для широкого круга исследователей уникальный источник по истории правительственной политики, проводившейся накануне и в период кризиса 1905—1906 гг., завершившегося фундаментальным реформированием основ государственного строя Российской империи. Особенно ценно, что воспоминания показывают, как воспринимались решения тех лет чиновником, прошедшим путь от секретарства в Особом комитете наследника в начале 1890-х гг. до назначения виленским губернатором в 1906 г. В мемуарах делаются экскурсии и в более раннее время, начиная с конца царствования Александра II. Совершенно очевидно, что сведения, приведённые в них, непременно должны учитываться при изучении широкого круга проблем политической истории России конца XIX — начала XX в.

Однако далеко не во всём мемуаристу следует доверять. Ведь Любимов не только наблюдатель и участник описываемых событий, но и их

истолкователь, интерпретатор, претендующий как на точность изложения по памяти того, что происходило на его глазах, так и на осмысление прошедшего. И тут он предстаёт уже в качестве историка.

Неслучайно им часто используются перегруженные историческими аллюзиями выражения «смута» и «смутное время», они встречаются уже в названии. Вероятно, сказывалось их активное употребление в эмигрантской литературе. В 1921 г. начала издаваться эпопея А.И. Деникина «Очерки русской смуты», а П.Б. Струве в «Размышлениях о русской революции» указывал тогда же на то, как «удивительно много черт», делающих начало XVII в. похожим на «современные события»¹.

На первой же странице воспоминаний Любимов упоминает о периодизации революции, в соответствии с которой она «должна рассматриваться как одно целое в трёх больших эпизодах»: октябрь—декабрь 1905 г., февраль и октябрь 1917 г. (с. 35). Но собственное описание «смутного времени» он начинает с убийства 2 апреля 1902 г. министра внутренних дел

* *Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902—1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам / Авт. вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьёв. М.: Кучково поле; Ретроспектива, 2018. 560 с. (Живая история).

Д.С. Сипягина (с. 36). Вскоре после этого события мемуарист перешёл в МВД, возглавив канцелярию нового руководителя ведомства — В.К. Плеве, под началом которого служил и в Государственной канцелярии. К своему назначению министром Вячеслав Константинович отнёсся стоически, зная, что в любой момент может погибнуть на этом посту, как и его предшественник (с. 41, 137, 413). В том же 1902 г. возникла Боевая организация партии эсеров, и Плеве, точно предчувствуя, какую роль она сыграет в его жизни, напряжённо интересовался всем, что касалось её руководителя — Г.А. Гершуни (с. 130, 189).

Любимов обстоятельно рассказывает о том, что собой представляла канцелярия МВД «смутного времени» (с. 46—49), сообщая немало ценных сведений о разных лицах и специфике деятельности этого учреждения в начале XX в. Пожалуй, никто, за исключением В.И. Гурко, проделавшего в те же самые годы очень похожий путь, и тоже под началом Плеве², не описал обстановку в МВД столь же компактно и насыщенно. Однако выводы, которые делает автор, порой вызывают недоумение. Например, говоря про составление в канцелярии министра внутренних дел докладов с характеристикой известных общественных деятелей «несоответствующего видам правительства образа мыслей» (с. 49—55), мемуарист жалеет о том, что «весь этот интересный материал исчез без следа», поскольку «из него будущий историк мог бы усмотреть, как, в сущности, невинны были и в большинстве случаев скромны антиправительственные выступления русской общественности накануне смуты в 1902—1903 годах» (с. 55). При этом сравнивает он их с тем, что разворачивалось в 1916 г. Между тем и в начале XX в. либералы вынашивали конституционалистские идеи и стремились к ограничению самодержавия³.

И управляющий канцелярией МВД, разумеется, не мог этого не знать. Но, вероятно, находясь в эмиграции, причудливо соединившей людей различных взглядов и судеб, он склонен был скорее приуменьшать, чем преувеличивать прежние разногласия и вольно или невольно стуживал их принципиальность. Нельзя не учитывать и то, что фрагменты воспоминаний печатались в парижской газете «Возрождение», которую незадолго до этого редактировал Струве (с. 29—31).

В тексте Любимова не всегда сразу видно, когда он передаёт то, что было известно только ему или сравнительно небольшому кругу лиц, а в каких случаях лишь воспроизводит ходившие в обществе слухи и газетные статьи. Иногда автор делает оговорки — «рассказывали», «будто бы». Именно так он пишет о разговоре Плеве с П.А. Столыпиным (с. 81—82)⁴. А вот слова Плеве о недопустимости идти на уступки, «когда их “требуют”», мемуарист сам неоднократно слышал от своего начальника (с. 99).

Управляющий канцелярией министра внутренних дел хорошо знал, какие именно бумаги и почему лежали в портфеле Плеве в момент его убийства. Неудивительно, что он убедительно опровергает несурзные сплетни, распространявшиеся в том числе и С.Ю. Витте, о том, что вёз глава МВД для доклада императору (с. 134). Однако Любимов почему-то умалчивает о том, что среди документов, с которыми ехал его начальник, находилась и «новая молитва о даровании победы русским воинам на Дальнем Востоке», составленная полтавским духовным раввином Е. Рабиновичем. Вечером 14 июля, накануне гибели, министр собственноручно подготовил сопроводительную записку к этой молитве. Видимо, он придавал ей особое значение, возможно, из-за того, что молва упорно приписывала ему организацию кишинёвского погрома

в 1903 г. Николай II ознакомился с этими текстами 16 июля в Петергофе, куда доставили содержимое портфеля убитого накануне Плеве. Об этом имеется соответствующая резолюция товарища министра внутренних дел П.Н. Дурново. Все эти сведения сохранились в «Коллекции автографов и портретов государственных и общественных деятелей», внимательно собиравшейся Любимовым и содержащей уникальные источники⁵. Тем более странным выглядит игнорирование им этих деталей в мемуарах.

Весьма любопытно сравнение Любимовым политики Плеве и его преемника кн. П.Д. Святополк-Мирского, основанное, несомненно, преимущественно на личном опыте общения с обоими. Историки вслед за современниками обычно считают их политическими антиподами, в действиях князя видят лишь последовательное отрицание политики его предшественника и потому не сопоставляют их цели и методы. Между тем, по словам Любимова, хотя представители «громادного большинства общества» относились к Плеве враждебно, тем не менее «с ним все считались», а известное меньшинство даже поддерживало. А кн. Святополк-Мирский своими намёками и туманными обещаниями, напротив, только раззадорил общественность, его планы «небольших уступок» лишь «окрыляли противников правительства». В результате в оппозиции к нему оказались и либералы, задававшие тон в общественном мнении, и вчерашние сторонники Плеве. Вскоре князь превратился в политического изгоя, на него даже возлагали косвенную ответственность за катастрофу 9 января 1905 г. (с. 201—204).

В тех случаях, когда мемуарист опирается не на собственные впечатления, а на различные публикации, он допускает немало неточностей и ошибок. Так, приведённая им вы-

держка из «записок» Н.М. Варнашёва отсутствует в единственном издании воспоминаний этого активиста зубатовской и гапоновской организаций⁶, что следовало бы отметить в комментариях. Письмо, отправленное 20 января 1905 г. начальнику Киевского охранного отделения А.И. Спиридовичу заведующим наружным наблюдением Департамента полиции Е.П. Медниковым, цитируется Любимовым с искажением смысла: сказанное о Д.Ф. Трепове представлено как характеристика А.Г. Булыгина (с. 205)⁷. Однако и это несоответствие не комментируется публикатором.

Неверно передана Любимовым и запись, оставленная в дневнике Николая II 17 октября 1905 г.: «Я подписал сегодня в пять часов манифест. После такого дня голова тяжела, мысли путаются. Господи, помоги нам, смилуйся над Россией!» (с. 278). Мемуарист, по-видимому, узнал о ней из берлинской публикации 1923 г., но, скорее всего, излагал слова императора по памяти и примерно, поскольку в прочитанной им книге они звучат несколько иначе: «Подписал манифест в 5 час. После такого дня голова стала тяжёлой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, умири Россию»⁸. Подлинная же запись заканчивается фразой: «Господи, помоги нам, спаси и умири Россию!»⁹. В научном издании, конечно же, необходимо было бы учесть подобные расхождения.

Столь же неточно и с пропусками Любимов цитировал опубликованное в «Красном архиве» письмо Николая II к матери от 19 октября 1905 г.¹⁰ (с. 279—281). В комментарии отмечено, что мемуарист даёт его «с купюрами» (с. 467). Но в качестве примера выбран далеко не самый значимый фрагмент — о беспорядках. Между тем для того, чтобы продемонстрировать труднообъяснимую внутреннюю цензуру автора, в комментариях стои-

ло бы привести это письмо целиком или хотя бы указать все пропущенные места. В том числе — о фактическом шантаже монарха председателем Комитета министров: «Он (Витте. — Д.А.) прямо объявил, что, если я хочу *его* (в тексте разрядка. — Д.А.) назначить председателем Совета министров, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать»¹¹. Не исключено, что мемуарист опустил эти слова намеренно, поскольку они явно не соответствовали его стремлению показать несостоятельность «целого ряда легенд, вплетённых в событие 17 октября, о том, что манифест “был вырван” у государя» (с. 281).

Не менее выразительной правке подверглась в воспоминаниях Любимова и цитата из письма, посланного 20 октября 1905 г. епископом Волынским и Житомирским Антонием (Храповицким) митрополиту Киевскому и Галицкому Флавиану (Городецкому): «Горе нам, если народ не вступится за царя, иначе Витте доведёт его до эшафота» (с. 304—305). В оригинале говорилось «за себя и за царя»¹², что существенно меняет смысл сказанного. К сожалению, и эта «лакуна» в комментариях не оговаривается.

Даже явные описки мемуариста порою игнорируются комментатором. Так, приводя большую цитату из напечатанных в «Былом» воспоминаний большевика Д.Д. Гиммера¹³, Любимов называет его «Гиллером» (с. 171). В результате, не будучи правильно идентифицированным, в именном указателе он обозначен всего лишь как «очевидец событий кровавого воскресенья» (с. 498), тогда как найти о нём более подробные сведения не составляло труда¹⁴. Упомянутая в воспоминаниях эпиграмма на И.С. Аксакова («Привалило счастье Ване, он женат на царской няне») принадлежала не Ф.И. Тютчеву, как считал мемуарист (с. 333), и не Н.Ф. Щербине, как полагает коммен-

татор (с. 474), а М.А. Дмитриеву¹⁵. Отцу Иоанну Кронштадтскому в августе 1904 г. было не 70 (с. 143) и не 65 лет, как «уточняется» в комментариях (с. 450), а 74 года. Натолкнувшись на редкое значение глагола «отливать» (в данном случае — поливать водой для приведения в чувство), публикатор ограничивается констатацией: «Так в тексте» (с. 42). Комментируя реплику Витте о том, что он вовсе не собирался рекомендовать Плеве возглавить «движение, явно оппозиционное правительству» (с. 80), К.А. Соловьёв утверждает, будто речь шла про зубатовщину (с. 430), тогда как, судя по контексту, министр финансов говорил о либеральной общественности.

Появление в русском политическом лексиконе понятия «самодержец» «памятники русской книжности», по мнению автора комментариев, фиксируют при Фёдоре Иоанновиче (с. 478). Между тем столь категоричное заявление нуждается в каком-либо обосновании, поскольку на сей счёт высказывались и иные суждения¹⁶.

К сожалению, в книге немало неисправленных и неоговоренных публикатором пропусков, ошибок и опечаток, встречающихся и в тексте воспоминаний, и в комментариях, и в именном указателе, где, к примеру, неверно указан год рождения П.К. Ренненкампа (с. 535). Не всегда правильно расставлена и пунктуация. Любимов часто употреблял слово «видимо» в значении не «скорее всего», а «явно, очевидно». Так, «видимо волнуясь», держался Николай II в день открытия I Думы 27 апреля 1906 г. (с. 391). Поэтому и П.С. Ванновский характеризуется в оригинале как «видимо больной», и разделение этих слов запятой, сделанное в публикации, конечно, ошибочно (с. 119).

Вместе с тем первое полное издание воспоминаний Д.Н. Любимова —

всё же ценнейшее подспорье для изучающих политическую историю России конца XIX — начала XX в. Особенности же их создания, композиции и публикации, безусловно, ещё потребуют самого пристального и всестороннего рассмотрения.

Примечания

¹ Струве П.Б. Размышления о русской революции. София, 1921. С. 21.

² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 129—302.

³ Соловьёв К.А. Политическая система Российской империи в 1881—1905 гг.: проблема законодательства. М., 2018. С. 304—312. Подробнее см.: Островский А.В. Самодержавие или конституция? На пути к Манифесту 17 октября 1905 г. // Островский А.В. Россия. Самодержавие. Революция. Т. 1. М., 2020 (в печати).

⁴ Тот же самый разговор, правда, не называя собеседника Плеве, приводит и А.С. Суворин: Алексей Суворин. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904—1908) / Сост. А.Д. Романенко. М., 2005. С. 139.

⁵ РО ИРЛИ РАН, ф. 160, т. 4, л. 115—116.

⁶ Варнаищев Н.М. От начала до конца с гапоновской организацией (Воспоминания) // Историко-революционный сборник / Под ред. В.И. Невского. Т. 1. М.; Пг., 1924. С. 177—208.

⁷ Письма Медникова Спиридовичу // Красный архив. 1926. Т. 4(17). С. 212.

⁸ Дневник императора Николая II. 1890—1906 гг. Берлин, 1923. С. 222.

⁹ Дневники императора Николая II (1894—1918). Т. 2. Ч. 1. М., 2013. С. 65.

¹⁰ Переписка Николая II и Марии Фёдоровны (1905—1906 гг.) // Красный архив. 1927. Т. 3(22). С. 166—169 (в комментариях (с. 467) год этой публикации указан неверно); Переписка императора Николая II с матерью — императрицей Марией Фёдоровной. 1894—1917. М., 2017. С. 548—550.

¹¹ Переписка Николая II и Марии Фёдоровны (1905—1906 гг.). С. 168.

¹² В церковных кругах перед революцией (Из писем архиепископа Антония Волынского к митрополиту Киевскому Флавиану) // Красный архив. 1928. Т. 6(31). С. 208.

¹³ Гиммер Д.Д. 9-е января 1905 года в СПб. Воспоминания // Былое. 1925. № 1(29). С. 3—14.

¹⁴ Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. 5. Вып. 2 / Сост. Э.А. Корольчук, Ш.М. Левин; под ред. В.И. Невского. М., 1933. Стб. 1247—1251.

¹⁵ Поэты 1820—1830-х годов / Сост. В.С. Киселёва-Сергенина; под ред. Л.Я. Гинзбург. Л., 1972. С. 64.

¹⁶ См., например: Лобачёва Г.В., Парфёнов В.Н., Плеве И.Р. К обозначению носителя верховной власти в политической культуре «Первого» и «Третьего» Рима // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. № 4(77). С. 221.

Игорь Кирьянов

Дуэль в парламентской истории позднеимперской России*

Igor Kiryanov

(Perm Federal Research Centre, Ural Branch of Russian Academy of Sciences)

Dueling in the parliamentary history of late imperial Russia

DOI: 10.31857/S086956870010902-3

В монографии А.А. Иванова отчетливо проявился тот «антропологический» поворот, который наметился в современной отечественной историографии, освещающей судьбы российского парламентаризма начала

XX в.¹ Внимание исследователей всё чаще смещается с институциональных аспектов и традиционной «думской биографики» к анализу депутатской повседневности, личных взаимоотношений внутри политической элиты и т.п.

* Иванов А.А. «Дело чести». Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906—1917). СПб.: Владимир Даль, 2018. 634 с.